

Иллюстрированное издание,
посвященное театру, искусствам и литературе.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦИЯ

СПБ., Литейный, 43.

Подписка также принимается в магазинах Е. В. ОСТОЛОПОВА
(бывш. Аравина) Екатерининский канал, угол Чернышева пер.

№ 32.

24-го НОЯБРЯ 1893 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 4 мѣс. (Сентябрь—Декабрь) 2 р., съ дост. и перес. 3 р.
Плата за объявленія: на 1 стран. по 30 к. а на послѣд по 10 к. за строку.
Отдѣльные №№ по 15 коп.

1894 г. Открыта подписка 1894 г.

на иллюстрированное издание, посвященное театру, искусствам и литературе

„ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

выходить во время сезона, съ 1-го Сентября по 1-е Мая, три раза въ недѣлю, а остальные 4 мѣсяца по одному разу.

Въ 1893 г. въ „Театральной Газетѣ“ принимали участіе: М. В. Ватсонъ, Д. В. Григоровичъ, П. П. Гиппичъ, З. Н. Гиппичъ, И. А. Гриневская, А. П. Зенкевичъ, М. В. Крестовская, Н. Д. Кашкинъ, Г. А. Ларошъ, Д. С. Мережковский, П. О. Морозовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, А. А. Потъ-хинъ, А. Г. Рубинштейнъ, И. Е. Рѣпинъ, В. С. Соловьевъ, С. А. Сафоновъ, М. И. Чайковский, А. П. Чеховъ и др.

Подписная цѣна остается прежняя, т. е. 6 р. въ годъ, съ дост. 7 р., съ перес. 8.
Подписная цѣна на 4 мѣсяца 1893 г. (Сентябрь—Декабрь) 2 р., съ дост. и перес. 3.
♦♦ Годовые подписчики на „Театр. Газету“ 1894 г., подписавшіеся теперь, по-лучаютъ газету ДАРОМЪ въ 1893 г. со дня подписки на будущій годъ. ♦♦

Подписка принимается въ Главной Конторѣ—С.-Петербургъ, Литейный, д. № 43 (при типографіи А. Мучника), въ магазинах Е. В. Остолопова (бывш. Аравина) уголъ Екатерининскаго кан. и Чернышева пер., и во всѣхъ музыкальных и книжныхъ магазинахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МАГАЗИНЫ
Е. В. ОСТОЛОПОВА
БЫВШЕ
И. Ф. АРАВИНА.
Полотно и столовое бѣлье
всѣхъ лучшихъ фабрикъ
русскихъ и заграничныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Мемуары Сальвини.
Народный театр въ Сербіи.
Изъ Москвы. Н. Кашкина.
Замѣтки и извѣстія.
Объявленія.

Мемуары Сальвини.

(Продолженіе).

II.

Сначала въ Неаполѣ Сальвини не повезло: шестнадцатилѣтній ученикъ Модены, который произвелъ совершенную революцію въ итальянской сценической игрѣ, уничтоживъ старую рутину, неожиданно очутился въ средѣ адептовъ классической школы. Его естественная игра и простая дикція возбуждали противъ него не только всѣхъ товарищей, но и самую публику, которая привыкла къ напыщенной, ненатуральной игрѣ. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, Сальвини уговорилъ директора труппы нарушить заключенный съ нимъ контрактъ, и въ концѣ того же 1845 года онъ перешелъ въ труппу Доменикони, которая играла въ Неаполѣ, Римѣ, Сиенѣ и Сициліи; тутъ онъ нашелъ не только сочувственную среду, но многомогъ научиться у директора Доменикони, который отличался, какъ актеръ, не столько замѣчательной игрой, сколько умѣніемъ понимать и выражать самыя затаенныя мысли автора пьесы. Кромѣ того онъ имѣлъ удовольствіе, въ продолженіе нѣкотораго времени, играть съ Ри-

стори, и такъ пламенно желалъ быть достойнымъ исполнителемъ возложеннаго на него ампуа primo amoroso въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ она участвовала, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль разучилъ тридцать шесть новыхъ ролей, изъ которыхъ шесть была въ стихахъ. „Я не буду отрицать, говорить онъ,—что меня къ подобнымъ необыкновеннымъ усиліямъ побуждала не только любовь къ искусству, но и болѣе нѣжное чувство къ его обворожительной представительницѣ; вскорѣ я однако убѣдился, что она видѣла во мнѣ не нравившагося ей молодого человѣка, а юнаго артиста, котораго она считала долгомъ поощрять въ сценическомъ отношеніи мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, и это разочарованіе не убило мое сердце, а только увеличило мой, тогда очень скудный, запасъ жизненной опытности“. Въ это время Сальвини одержалъ свой первый значительный успѣхъ въ трагедіи: это было въ Римѣ, и онъ поразилъ всѣхъ своихъ товарищей и смѣлымъ выборомъ для своего бенефиса роли Ореста въ трагедіи того же имени Альфьери, которую такъ замѣчательно игралъ знаменитый итальянскій актеръ Ломбарди, что всѣ его преемники, не исключая Модены, терпѣли въ этой роли фіаско. Эта попытка до того считалась безумной для начинающаго молодого актера, что старые театралы любезно отговаривали его отъ столь неблагоразумнаго шага, а актеры и актрисы при выходѣ его на сцену громко говорили между собой: „Сальвинето дуракъ! Сальвинето сошелъ съ ума“. Но оказалось, что его самоувѣренность была основана на правильной оцѣнкѣ своего таланта; и съ первой сцены публика сдѣлала ему такую овацію, что онъ сказалъ самъ себѣ: „Я былъ правъ, я могу быть Орестомъ“. Его триумфъ въ этой роли былъ такъ великъ, что съ этой минуты онъ завоевалъ себѣ окончательно титулъ трагическаго актера.

Но благодаря событіямъ 1848 и 1849 годовъ, наступилъ продолжительный перерывъ въ сценической дѣятельности Сальвини. Онъ вмѣстѣ со всей римской молодежи поступилъ въ ряды національной гвардіи, какъ только была объявлена въ Римѣ республика, и во время осады вѣчнаго города французами выказалъ такую храбрость, что былъ произведенъ въ капралы, а Гарибальди въ послѣдствіи выдалъ ему собственноручно аттестатъ въ томъ, что при постройкѣ и защитѣ баррикады въ Римѣ онъ велъ себя, какъ доблестный воинъ и пламенный патріотъ. Когда наконецъ Римъ былъ взятъ, и его мужественные защитники сдѣлались изгнанниками, или подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ

возстановленнаго папскаго правительства, Сальвини тайно уѣхалъ изъ Рима, но былъ арестованъ въ Генуѣ, и только послѣ многихъ хлопотъ его дядѣ удалось добиться его освобожденія. Вскорѣ послѣ этого Доменикони, которому разрѣшили снова открыть театръ въ Римѣ, вызвалъ туда и лучшаго своего актера. „Но въ какой Римъ я вернулся! замѣчаетъ съ горечью Сальвини;—все тамъ было мрачно, угрюмо, пусто; вездѣ мозолили глаза красные панталоны французскихъ солдатъ и черныя рясы патеровъ. Немногіе граждане, попадавшіеся на улицахъ, казались до того печальными, что было тяжело смотреть на нихъ. Прошли счастливые дни, когда жизнь кипѣла ключемъ, когда яркіе національные цвѣта украшали улицы, дворы, дома, и самое солнце казалось ярче отъ ихъ присутствія. Гдѣ были теперь всѣ веселыя радостныя лица, полныя надежды и любви къ отечеству, къ свободѣ? Куда исчезло чувство равенства, побуждавшее видѣть брата во всякомъ встрѣчавшемся человѣкѣ? Теперь же, увидавъ француза, или патера, я невольно говорилъ себѣ: „Это врагъ моей родины“. Несчастный Римъ! Несчастная Італія! Съ этими двумя восклицаніями я вернулся къ искусству, единственному убѣжищу въ эту плачевную годину, и я рсцѣло отдался искусству“.

Дѣйствительно, въ продолженіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ молодымъ Сальвини послѣ того въ Римѣ, онъ велъ самую уединенную жизнь и посвящалъ все свободное отъ сцены время на литературныя занятія, которыя онъ считалъ необходимой подготовкой для основательнаго изученія своего искусства. Ощущая болѣе склонности къ поэзіи, чѣмъ къ прозѣ, онъ преимущественно читалъ классическихъ поэтовъ и драматурговъ. Но первыми любимцами его были Гомеръ, Оссіанъ, Данте, Тассо, Аріосто, Петрарка, и затѣмъ Метастазіо, Альфьери, Гольдони, Гёте, Шиллеръ, Байронъ, Корнель, Расинъ, Мольеръ; совершенно особое мѣсто онъ отводилъ Уго Фосколо, Леопарди, Манцони, Монти и Никколини, которыхъ пожиралъ pour la bonne bouche. Близкое знакомство съ этими писателями дало ему возможность пріобрѣсти массу свѣдѣній, которыя оказали ему громадную помощь въ его сценической карьерѣ. Благодаря ихъ сочиненіямъ, онъ сравнивалъ героевъ древней Греціи и кельтическихъ расъ, великихъ людей Рима и среднихъ вѣковъ, а главное такъ основательно усвоилъ себѣ ихъ характеръ, среду, чувства, страсти, обычаи, манеры, что, когда ему приходилось изображать на сценѣ кого нибудь изъ нихъ, то онъ легко могъ изучать пред-